

А.В. Сиренов

Реликвии владимирских князей*

Город Владимир как политический и культурный центр Древней Руси XII–XIV вв. — важная тема не только для современной исторической науки. В памятниках государственной идеологии Московского государства XVI–XVII вв. Владимир воспринимался как предшественник Москвы, а Владимиро-Суздальское княжество — как колыбель русской государственности. Не случаен и постоянный интерес к деятельности владимирских князей. Для Ивана IV апелляция к святости своих предков была одним из аргументов в споре о международном признании его царского титула. Неслучайна поэтому всероссийская канонизация Александра Невского в середине XVI в., а также посещение Иваном Грозным Владимира во время казанского похода 1550 г. Характерно, что этот визит оценивался современниками как посещение древней святыни. Именно такое восприятие состоявшейся поездки встречаем в рукописи Нифонта Кормилицына — участника описываемых событий. Поскольку перед нами единственное из известных описаний данного визита Ивана IV во Владимир, приведем его полностью: «И егда прииде во град Володимер, иже бысть преже стольный град, и виде его запустение и престолом обетшание, и во всем небрегома, и зело оскорбися, яко праведный град и стольный в таком небрежении. И посла на Москву к пресвященному Макарию митрополиту всея Руси Андрея Александровича Квашина, и послание посла с ним с великим смирением и молением, еже бы ехал во град Володимер и обновил обетшанныя престолы. Митрополит же прочет послание, нимало поскоснев, и взя образ Пречистыя письма Петра чудотворца, да из монастыря с Симонова крест Животворящее Древо, да из Ондрикова образ Спасов Нерукотворенный, и повеле с собою ехати епископу Сарскому Саве, а на Москве остави архиепископа Ростовьского Никандра да тверского епископа Акакия. А егда же приехал митрополит за семь верст до Владимира, тут же и суждальский епископ приехал Трифан. И царь князь великий прислал к митрополиту боярина своего князя Петра Михайловича Щенятева с челобитьем и о здравие спросити. И митрополит послал ко царю и великому князю епископа Саву с благословением и с челобитьем. И царь и великий князь повеле епископу Саве престол украсити Пречистыя в соборной церкви. А егда митрополит двигся с стану, тогда встретил его брат великого князя князь Юрий Васильевич з бояры и со многими людми. А егда митрополит бысть близ града, и царь князь великий велел епископу Саве и всему священному собору со кресты и со образы встречу поити, а сам с ними же поиде. И вышел из града конец мосту, а митро-

---

* Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант «Мобилизованное средневековье»: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время», проект № 16-18-10080.

полит и суждальский епископ ту тоже приидоша со образы иже с ним, а из девичья монастыря принесоша игуменья с старицами образ Пречистыя и пеша молебны. Тако же приидоша в церковь Пречистыя, и, отпев молебны, митрополит с епископы и со всем собором служил обедню. Царь князь велики зело обрадовася приходу митрополитю, таже и наутрие перед дневати поиде около града со кресты и со образы, таже и празник прииде Богоявления. Царь князь велики в святей соборной церкви Пречистыя Богородица пеша молебны собором. И сам царь взем благословение у преосвященнаго митрополита и у всего собора и всево иночество, поидоша на Казань...»¹. Особый церемониал посещения царем древней столицы, участие митрополита и других церковных иерархов свидетельствует об особом значении, которое в XVI в. придавалось владимирским древностям.

Тогда же наблюдается и внимание к княжескому некрополю г. Владимира. Погребения древнерусских князей неоднократно описывались, и из этих описаний мы знаем, что некоторые стоявшие в аркасолиях гробницы передвигали, а некоторые вообще убирали под пол. Последнее, в частности, касалось анонимных погребений. Подобное внимание к древним гробницам Владимира характерно и для XVII в.² Так, постепенно сформировался княжеский некрополь Владимира в том виде, в каком он существует в настоящее время.

В настоящей статье пойдет речь о реликвиях, связанных с деятельностью владимирских князей. Все известные реликвии можно разделить на две группы — по той среде, где появилась атрибуция памятника тому или иному князю. Это либо церковная среда, либо связанная с историческими исследованиями.

Рассмотрим реликвии, появившиеся в церковной среде. Некоторые из них хранились во владимирском Успенском соборе — месте погребения большинства владимирских князей. Согласно описям гробниц, составленным в XVI в., в Успенском соборе числились железные стрелы — одни с острием, другие с томаром (шишечкой). О количестве стрел сказано так: «есть их много»³. В описях соборного имущества конца XVII — начала XVIII в. количество стрел сосчитано, их тогда было 24⁴. Следующее упоминание о стрелах относится к началу XIX в. Это заметка учителя владимирской гимназии Ф.Ф. Калайдовича о владимирских древностях, в которой он упоминает о двух железных стрелах, хранящихся в соборе⁵. На подписи к иллюстрации, представляющей собой зарисовку одной из этих стрел, читаем, что стрел три. По-видимому, в тексте статьи автор допустил ошибку. Такое же их количество — три стрелы — сохранялось на протяжении XIX в., о чем можно встретить указания в трудах владимирских кра-

¹ РНБ, Q.XVII.64. Л. 99–100.

² Сиренов А.В. Описи древних гробниц в рукописных сборниках XVII века // История в рукописях и рукописи в истории: Сб. науч. тр. к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 2006. С. 399–414.

³ Шилов А.А. Описание рукописей, содержащих летописные тексты. Вып. 1 // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1910. Вып. 22. С. 25.

⁴ Тимофеева Т.П. Исследования по истории владимирского Успенского собора. М.; СПб., 2013. С. 32.

⁵ Краткое известие о владимирских древностях, сообщенное Ф. Ф. Калайдовичем // Записки и труды Общества истории и древностей российских. М., 1815. Ч. 1. С. 159–163.

еведов, столько же стрел насчитывается и сейчас — они выставлены на военно-исторической экспозиции в Золотых воротах. Уже в конце XVII в. железные стрелы приобретают характер реликвий. В надгробной надписи князя Изяслава Андреевича (так называемом «надгробном листе»), созданной, по всей видимости, в конце XVII в., описано самострельное орудие, сооруженное по приказу князя для метания железных стрел в противника: «Таже своему мужеству на сопротивных устрои себе самострельные оружия стрелы железныя великия, якоже и ныне в соборной церкви обретаются и доднесь видими всеми»⁶. В 1597 г. архимандрит Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле Иосиф, бывший до этого архимандритом владимирского Константино-Еленинского монастыря, ходатайствовал о передаче в его монастырь одной из стрел из владимирского Успенского собора в качестве реликвии для прославления ярославских святых Василия и Константина, мощи которых пребывали в Спасо-Преображенском монастыре. Просьба ярославского архимандрита была уважена, и одну из стрел отослали в Ярославль⁷. Показательно, что стрелы характеризовались как принадлежность Андрея Боголюбского с сыновьями, а не только одного его сына Изяслава. Вероятно, в течение XVIII в. стрелы расходились по разным местам, сохраняя статус древнекняжеских реликвий. В XIX в. оставшиеся в соборе три стрелы хранились у гробницы Изяслава Андреевича. Паломники молились, держа стрелу в левой руке. Вероятно, для того же стрелы отсылались и в Ярославль, поскольку тогда специально оговаривалось, что ярославские святые князья являются родственниками Андрею Боголюбскому, а потому пребывание у их мощей железной стрелы вполне оправданно. Таким образом, по крайней мере с конца XVII в. железные стрелы владимирского Успенского собора, которые ранее хранились в нем просто как диковинные орудия, стали восприниматься в качестве реликвии либо одного из сыновей Андрея Боголюбского — Изяслава Андреевича, либо — Андрея Боголюбского и его обоих сыновей.

Наряду с железными стрелами реликвией князя Изяслава Андреевича в XIX в. считался шлем, который молящиеся надевали на голову во время церковной службы. Показательно, что шлем не числится в описях соборного имущества конца XVII — начала XVIII в. Таким образом, его выявление относится ко времени после 1708 г., которым датируется самая поздняя из соборных описей. Впервые шлем зафиксирован в записке о владимирских древностях Ф.Ф. Калайдовича, там же помещен и рисунок шлема. В.И. Доброхотов в своей книге 1849 г. описал практику использования шлема и стрел как реликвий: «Во время каждого служения почти непрерывно усердные богомольцы, не исключая женщин, надевают тяжелый холодный шлем, берут одно из орудий и так молятся, ожидая получить исцеление от болезни и преимущественно от головной. В первый раз странно покажется видеть этих благочестивых амазонок, усердно молящихся Богу не браней, а мира»⁸. Вплоть до советского времени «шлем Изяслава Андреевича» оставался реликвией владимирского Успенского собора. За это время он

⁶ Путь к граду Китежу. Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах / Подготовка текста и исследование А.В. Сиренова. СПб., 2003. С. 76.

⁷ Бычков А.Ф. Заметки о хронографе ярославского священника Федора Петрова. Ярославль, 1890. С. 6–7.

⁸ Доброхотов В.И. Памятники древности во Владимире Клязменском. М., 1849. С. 96–97.

лишь единожды вызвал научный интерес. В 1872 г. шлем был отправлен на Политехническую выставку в Москве, где он экспонировался вместе с другим реликвийным шлемом — Меркурия Смоленского, присланным из смоленского Успенского собора. К формированию военного отдела выставки имел отношение выдающийся историк военного дела Н.Е. Бранденбург, через которого, по-видимому, шлемы и поступили на выставку. Известно, что в 1876 г. он затребовал из владимирского Успенского собора одну железную стрелу в возглавляемый им Артиллерийский музей⁹ — и она до настоящего времени там хранится¹⁰. Наверняка Бранденбург приезжал во Владимир до 1876 г. и имел возможность оценить уникальность железных стрел. По-видимому, это произошло при подготовке выставки 1872 г. Так или иначе, шлемы были отправлены в Москву и благополучно вернулись обратно во Владимир и Смоленск. Спустя четверть века, в 1900 г., Бранденбург через своего знакомого, проживавшего в Смоленске отставного генерал-лейтенанта М.Г. Мазинга, заказал фотографию шлема Меркурия Смоленского, получив которую, написал письмо председателю Московского археологического общества П.С. Уваровой¹¹. Бранденбург был уверен, что шлемы перепутали, и после Политехнической выставки в Смоленск отвезли шлем Изяслава Андреевича, а во Владимир — шлем Меркурия Смоленского. Он писал, в частности: «Удивительно еще и то, как до сих пор на это никто не обратил внимания из местного духовенства и местных старожилов! Каким образом мог причт Усп[енского] собора в Смоленске не заметить в свое время, что в собор попал совсем не прежний хранившийся в нем памятник, а совершенно другой, и не возбудил вопроса об исправлении ошибки, если только последняя произошла действительно случайно! Это не менее любопытно и замечательно...»¹². Московское археологическое общество заказало фотографии обоих шлемов¹³. Сопоставляя их с зарисовкой Ф.Ф. Калайдовича, можно утверждать, что Бранденбург ошибался, никакой путаницы не произошло, и шлем Изяслава Андреевича благополучно вернулся во Владимир. В первые советские годы его видел на гробнице Изяслава Андреевича бывший секретарь Льва Толстого В.Ф. Булгаков¹⁴, а позже шлем поступил в музей, где ныне и хранится (Владими́ро-Сузда́льский музей-заповедник (далее – ВСМЗ). Инв. № В-913). В настоящее время его относят к XVII в., и его позднее происхождение не подвергается сомнению. Однако еще Н.Е. Бранденбург сопоставлял владимирский шлем с античными шлемами из собрания Будапештского музея и Эрмитажа¹⁵. По-видимому, зафиксированный устной традицией факт принадлежности шлема князю XII в. препятствовал его объективной атрибуции и датировке.

⁹ Государственный архив Владимирской области. Ф. 556. Оп. 1. Д. 3059. За сообщение информации об этом документе приношу благодарность Т.П. Тимофеевой.

¹⁰ Артиллерийский исторический музей. Краткий путеводитель / Под ред. И.П. Ермошина. Л., 1955. С. 12.

¹¹ За указание на эти материалы благодарю И.А. Вознесенскую.

¹² Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 30 (Н.Е. Бранденбург) Оп. 1. Д. 90. Л. 59 об.–60.

¹³ Там же. Л. 76, 77, конверт 6, л. 6/9, 6/10.

¹⁴ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь. Воспоминания последнего секретаря Л. Н. Толстого. М., 2012.

¹⁵ Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 30 (Н.Е. Бранденбург) Оп. 1. Д. 90. Л. 18.

Реликвии, связанные с именем Александра Невского, в XVIII–XX вв. имели свою особенность. Если не считать явно недостоверных легенд о чудесном обретении меча Александра Невского, а также изготовленные в последние десятилетия его «модели», то среди реликвий Александра Невского главное место занимает личная моленная икона святого князя. В начале XVIII в. над гробницей Александра Невского висела богородичная икона Знамение. После перенесения мощей святого князя из Владимира в Санкт-Петербург в 1723–1724 гг. эта икона осталась в монастырском соборе Рождественского монастыря, отмечая то место, где мощи Александра Невского находились до перенесения. В краеведческой литературе XIX в. зафиксировано предание, повествующее о том, что икона Знамение принадлежала самому Александру Невскому¹⁶. Ею якобы благословила князя перед Ледовым побоищем его крестная мать. В настоящее время икона хранится в фондах ВСМЗ (инв. № В–1714). Ее датируют XVI в. и считают наиболее ранним списком новгородской чудотворной иконы Знамение, почитание которой началось в 1170 г. после неудачной осады Новгорода войсками Андрея Боголюбского¹⁷. Когда именно список с почитаемой новгородской иконы стал реликвией владимирского князя — сказать затруднительно. Возможно, это случилось уже после перенесения мощей. Икона оказалась почти единственным напоминанием о пребывании мощей во Владимире, и ей стали придавать большее значение, чем это было до 1723 г.

С Александром Невским связывали также местную Торопецкую икону Богоматери¹⁸. Этот богородичный образ датируется XIV в. Он издревле хранился в Торопце, и до середины XVIII в. его не соотносили с деятельностью Александра Невского. В третьей четверти — середине XVIII в. в Торопце оказался список Степенной книги — ныне РНБ, собр. СПбДА А–I/91. Из него торопчане узнали о двух замечательных фактах, которые оказалось возможным применить к истории родного города. Во-первых, именно в Торопце в 1239 г. произошло венчание Александра Невского. Во-вторых, его невестой стала дочь полоцкого князя Брючислава. Именно в Степенной книге Полоцку и его князьям уделено особое внимание в связи с прославлением святой Евфросинии Полоцкой. Рассказано и о том, что специально для Евфросинии в Полоцк из Византии прибыла чудотворная икона Богоматери Эфесской. В составленном в Торопце Сказании о чудесах Торопецкой Богоматери на основе выписок из Степенной книги и собственных домыслов неизвестный нам автор этого сочинения описал историю прибытия в Торопец полоцкой княжны — родственницы св. Евфросинии Полоцкой. С собой из Полоцка юная княжна привезла чудотворную икону Эфесской Богоматери, которую юная чета после венчания и подарила жителям Торопца. Несмотря на всю недостоверность данной легенды, ее влияние ощущается до настоящего времени. Икона Торопецкой Богоматери оказалась в советское время в Государственном Русском музее. Однако в 2009 г. ее перевезли в коттеджный поселок

¹⁶ Тихонравов К.Н. Владимирский Рождествен монастырь XII века, где почивали св. мощи в.к. Александра Невского до перенесения в Санкт-Петербург. Владимир, 1869. С. 57.

¹⁷ Быкова М.А., Нерсеян А.В. Богоматерь Знамение с избранными святыми // Иконы Владимира и Суздаля. М., 2006. С. 216.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Сиренов А.В. Легенда о Торопецкой иконе Богоматери // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2009. Вып. 1. С. 3–11.

под Москвой и поместили в местной церкви — по просьбе одного из жителей, считающего своим небесным покровителем Александра Невского. Подчеркнем, что если бы недостоверность торопецкой легенды XVIII в. была всем очевидна, то икона осталась бы в Русском музее.

В последние десятилетия появилась еще одна легенда, связывающая древнюю богородичную икону с Александром Невским. Она была создана в научной среде, и с ее рассмотрения обратимся ко второй группе атрибуций — так называемых «научных». Речь идет о знаменитой иконе Федоровской Богоматери — древней святыни Костромской земли. Название иконы происходит от ее древнейшего местопребывания — костромского собора Феодора Стратилата. В 1976 г. С.И. Масленицын опубликовал статью, в которой указал на показавшиеся ему противоречащими факты именованья Федоровской иконы по костромскому собору и о происхождении иконы из Городца в XIII в.¹⁹ В Сказании о Федоровской иконе рассказывается, что еще до своего попадания в Кострому Федоровская икона пребывала в Городце. Следовательно, по мнению С.И. Масленицына, название иконы следует объяснять иначе. Далее исследователь указал на значение Городца как места смерти Александра Невского и на дату появления там Федоровской иконы — 1239 г. В этом году произошло венчание Александра Невского в Торопце. Казалось бы, сведения, извлеченные из составленного не ранее XVII в. Сказания о Федоровской иконе, даже при их хронологическом и топографическом совпадении с фактами древнерусской истории, не могут быть признаны достоверными без привлечения подолнительных аргументов. Но С.И. Масленицын рассудил иначе. Он предположил, что икона Федоровской Богоматери и является тем образом, которым Александра Невского благословили при венчании. Ее именование Федоровской свидетельствует о заказчике — отце Александра Невского великом владимирском князе Ярославле Всеволодовиче, который имел крестильное имя Феодор. Происхождение из Городца, зафиксированное в Сказании, С.И. Масленицын объяснял тем фактом, что в Городце умер Александр Невский. Икона, которую тот возил с собой, осталась в Городце. Наконец, получил объяснение написанный на оборотной стороне иконы образ св. Параскевы Пятницы — по указанию В.Н. Татищева, одну из жен Александра Невского звали Прасковей. Так, на недостоверных фактах было построено предположение о принадлежности иконы Федоровской Богоматери Александру Невскому. В настоящее время оно бытует в сети интернет и в научно-популярной литературе.

С именем Андрея Боголюбского в научной литературе связывают два памятника средневекового декоративно-прикладного искусства — так называемые «армиллы». Это две медные пластины, украшенные эмалью. Исследователи полагают, что они изготовлены в Западной Европе во второй половине XII в. На одной пластине изображено Распятие, а на другой — Воскресение (Сошествие во ад). Первая пластина была привезена Г.Д. Филимоновым из какого-то монастыря Владимирской епархии (устно коллекционер сообщал, что из Переславля Залесского). Вторая хранилась во владимирском Успенском соборе. Она фигурирует в описях соборного имущества конца XVII — начала XX в. Что характерно, в описях она никак не связывается с Андреем Боголюбским. Ни в наиболее ранней

¹⁹ Масленицын С.И. Икона «Богоматери Федоровской» 1239 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976. М., 1977. С. 155–166.

описи соборного имущества, составленной в 1693 г., ни в описаниях владимирских краеведов XIX в. пластина, которую именовали «нарамником» или «нагрудником», не соотносилась ни с кем из князей лично²⁰. В описи 1693 г. атрибуция вообще отсутствует, а краевед В.И. Доброхотов в 1849 г. высказал предположение, что пластину «великие князи или патриархи носили на персях»²¹. В послереволюционное время обе пластины оказались проданы за рубеж и в настоящее время хранятся в Лувре и в Германском национальном музее в Нюрнберге. Впервые с именем Андрея Боголюбского пластины соотнес Г.Д. Филимонов. Немецкие исследователи второй половины XX в. обратили внимание на сходство владимирских пластин со средневековыми германскими армиллами, происхождение которых связывают с Фридрихом Барбароссой. Известие В.Н. Татищева, не подкрепленное другими источниками, о контактах Фридриха Барбароссы с Андреем Боголюбским рассматривается как аргумент в пользу предположения о принадлежности владимирских пластин Андрею Боголюбскому²². Подчеркнем, что имеющиеся источники не дают оснований для такой атрибуции.

Андрею Боголюбскому атрибутировали и декоративный церемониальный топорик с орнаментированной буквой «А» на яблоке. Топорик был куплен на антикварной ярмарке в Нижнем Новгороде у татарина, по словам которого топорик нашли в Билярске. Однако долгое время топорик считался происходящим из владимирского клада. Такая легенда была нужна для атрибуции топорика Андрею Боголюбскому. В настоящее время топорик атрибутируют киевскому князю Всеволоду Ярославичу (в крещении Андрею) — на основании датировки XI в. и того обстоятельства, что кроме буквы «А» на нем читается еще буква «юс малый»²³. Характерно, что такая атрибуция не пришла в голову сразу по обнаружении топорика. Его предпочитали считать личной вещью владимирского князя Андрея Боголюбского.

Целый ряд бесосновательных атрибуций древнерусским князьям различных памятников древности встречаем в описаниях Оружейной палаты XIX в. Здесь и сабля Владимира Мономаха, и шлемы — Ярослава Всеволодовича и Александра Невского²⁴. Пожалуй, только атрибуцию шлема Ярославу Всеволодовичу можно признать аргументированной. Шлем был найден в 1818 г. недалеко от места Липецкой битвы. На прилбнице шлема читается молитвенная надпись, обращенная к архангелу Михаилу, с призывом помочь «рабу своему Феодору». Как известно, Ярослав Всеволодович носил крестильное имя Феодор. В настоящее время шлем считают разновременным, но по-прежнему связывают его с Ярославом Всеволодовичем²⁵.

²⁰ Родина М.Е. О так называемых наплечниках Андрея Боголюбского // «Хвалам достойный...» Андрей Боголюбский в русской истории и культуре: Сб. ст. Владимир, 2013. С. 49.

²¹ Доброхотов В.И. Памятники древности во Владимире Клязменском. С. 92.

²² Рассмотрение версий о происхождении и атрибуции «армилл Андрея Боголюбского» см.: Родина М.Е. О так называемых наплечниках Андрея Боголюбского. С. 49–53; Тимофеева Т.П. Исследования по истории владимирского Успенского собора. С. 31–32.

²³ См. об этом, напр.: Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века). М., 2000. С. 95–96.

²⁴ Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 230–231; Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению. М., 1853. Отд. 3. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. С. 7–9, 80–81 и др.

²⁵ См.: Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси... С. 98–104.

Таким образом, за последние три столетия с деятельностью владимирских князей связывали самые разные артефакты, как действительно древние, так и происходящие из более поздних эпох. Как правило, это предметы вооружения. Некоторое исключение составляет фигура Александра Невского, поскольку этому князю атрибутировали по большей части богородичные иконы. Объяснить отмеченное обстоятельство пока не представляется возможным. Если С.И. Масленицын при конструировании своего предположения явно ориентировался на торопецкую легенду, то происхождение владимирской легенды остается неизвестным.

Персонафикация русской истории началась в историографии XVI в. В Новое время оказалось недостаточным чтить отдельных героев истории Отечества. Появилась потребность в своеобразных реликвиях — личных вещах древнерусских князей. С другой стороны, при атрибуции того или иного памятника велик соблазн приписать его одному из героев древности. Так рождались и рождаются подобные атрибуции. Характерно, что процесс фабрикация «исторических» реликвий датируется XVIII–XX вв., не уходя своими корнями в Средневековье. А ведь в то время было технически проще отыскать предполагаемые личные вещи древнерусских князей. По всей видимости, в этом не было потребности. Она появилась позже, и связывать ее следует с тем интересом к отечественной истории, который характеризует человека Нового времени.

Источники и литература:

1. Артиллерийский исторический музей. Краткий путеводитель / Под ред. И.П. Ермошина. Л., 1955.
2. Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь. Воспоминания последнего секретаря Л. Н. Толстого. М., 2012.
3. Бькова М.А., Нерсесян А.В. Богоматерь Знамение с избранными святыми // Иконы Владимира и Суздаля. М., 2006.
4. Бычков А.Ф. Заметки о хронографе ярославского священника Федора Петрова. Ярославль, 1890.
5. Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860.
6. Государственный архив Владимирской области. Ф. 556. Оп. 1. Д. 3059.
7. Доброхотов В.И. Памятники древности во Владимире Клязменском. М., 1849.
8. Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению. М., 1853.
9. Краткое известие о владимирских древностях, сообщенное Ф. Ф. Калайдовичем // Записки и труды Общества истории и древностей российских. М., 1815. Ч. 1. С. 159–163.
10. Масленицын С.И. Икона «Богоматери Федоровской» 1239 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976. М., 1977. С. 155–166.
11. Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века). М., 2000.
12. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 30 (Н.Е. Бранденбург) Оп. 1. Д. 90.
13. Путь к граду Китежу. Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах / Подготовка текста и исследование А. В. Сиренова. СПб., 2003.
14. РНБ, Q.XVII.64. Л. 99–100.
15. Родина М.Е. О так называемых наплечниках Андрея Боголюбского // «Хвалам достойный...» Андрей Боголюбский в русской истории и культуре: Сб. ст. Владимир, 2013.

16. *Сиренов А.В.* Легенда о Торопецкой иконе Богоматери // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2009. Вып. 1. С. 3–11.
17. *Сиренов А.В.* Описи древних гробниц в рукописных сборниках XVII века // История в рукописях и рукописи в истории: Сб. науч. тр. к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 2006. С. 399–414.
18. *Тимофеева Т.П.* Исследования по истории владимирского Успенского собора. М.; СПб., 2013.
19. *Тихонравов К.Н.* Владимирский Рождествен монастырь XII века, где почивали св. мощи в.к. Александра Невского до перенесения в Санкт-Петербург. Владимир, 1869.
20. *Шилов А.А.* Описание рукописей, содержащих летописные тексты. Вып. 1 // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1910. Вып. 22.